

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Сагарда

**Святого
Григория Чудотворца,
епископа Неокессарийского,
«Переложение Екклесиаста»**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 5. С. 687-695.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Переложеніе Екклесіаста“ *).

VII.

УОТЯ никакимъ образомъ и ни въ чемъ не получить больше пользы тотъ, кто знаетъ, что изъ того, что ему по сердцу, случится съ нимъ въ жизни,—ибо допустимъ это, — однако же излишнее любопытство людей сочиняетъ, будто они изслѣдуютъ и, какъ имъ кажется, знаютъ и то, что будетъ послѣ смерти каждаго. Хорошая же память для души пріятнѣе, чѣмъ елей для тѣла, и конецъ жизни лучше рожденія; и предпочтительнѣе плакать, чѣмъ пировать, и быть съ печалующимися, чѣмъ съ упивающимися. Ибо дѣло таеъ обстоитъ, что достигшій конца этой жизни уже не беспокоится о томъ, что вокругъ него. [Подобнымъ образомъ] разумный гнѣвъ предпочтительнѣе смѣха, ибо суровымъ выраженіемъ лица приводится въ порядокъ и душа. Поэтому души мудрыхъ [обычно] печалются и смиряются; души же неразумныхъ высокомерно веселятся. И гораздо болѣе желательно подвергнуться прещенію одного мудраго, чѣмъ стать слушателемъ хвалебныхъ пѣсень пѣлой толпы людей дурныхъ и жалкихъ. Ибо смѣхъ людей глупыхъ подобенъ треску большого количества терноваго хвороста, сжигаемаго сильнымъ огнемъ. Но также особенно тяжкое и величайшее зло—это клевета, ибо она злоумышляетъ на души мудрыхъ и стремится погубить благородную твердость добрыхъ. И хвалить слѣдуетъ не того, кто начинаетъ рѣчь, а того, кто оканчиваетъ, и одоб-

*) Окончаніе. См. апрѣль.

рять скромность нрава, а не превозношеніе и гордость. Всѣми же способами должно воздерживаться отъ ярости и не впадать поспѣшно въ гнѣвъ, которому рабствуютъ неразумные. Погрѣшаютъ говорящіе, что предкамъ дана была лучшая жизнь. и не разумѣютъ, что мудрость весьма много отличается отъ избытка въ имуществѣ, и настолько славнѣе, насколько серебро оказывается свѣтлѣе своей тѣни. Ибо жизнь человѣка является результатомъ не тлѣннаго стяжанія богатства, но мудрости. Кто же, скажи мнѣ, въ состояніи будетъ выразить словами столь великое и столь благодѣтельное промышленіе Божіе? Или кто можетъ воззвать то, что, повидимому, праведно пренебрежено Богомъ? Я же, дѣйствуя прежде не право, [теперь] понялъ все, и то, что праведный пребываетъ въ своей праведности и до смерти не уклоняется отъ нея, но и изъ-за нея подвергается кознямъ, и что нечестивый умираетъ вмѣстѣ съ своимъ зломъ. Но тому, кто дѣйствительно праведенъ, не нужно сильно показывать себя таковымъ и слишкомъ и выше мѣры мудрымъ, чтобы, преткнувшись въ чемъ-либо, онъ не погрѣшилъ гораздо болѣе. И не будь неразумительнымъ и дерзкимъ, чтобы тебя не похитила несвоевременная смерть. Величайшее же благо — крѣпко держаться Бога и, пребывая въ Немъ, ни въ чемъ не согрѣшать. Ибо гнусно прикасаться къ чистому оскверненной рукою. Кто же со страхомъ Божіимъ повинуется, тотъ избѣгаетъ всего противнаго. Мудрость можетъ оказать больше помощи, чѣмъ множество могущественнѣйшихъ мужей въ городѣ; она часто справедливо и прощаетъ уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Ибо нѣтъ ни единаго, кто не претыкался бы. Рѣчамъ же нечестивыхъ ни въ чемъ не должно внимать, чтобы тебѣ собственными ушами не услышать рѣчей противъ тебя, какъ на примѣръ пустословія лукаваго раба, и чтобы, тогда уязвленный въ сердце, ты впоследствии и самъ не склонился воздать ему многими дѣйствіями. Я позналъ все это, получивъ мудрость отъ Бога; но когда я потомъ потерялъ ее, я уже не могъ быть похожимъ на себя. Ибо мудрость убѣжала отъ меня въ непредѣльную даль и въ неизмѣримую глубину, такъ что мнѣ уже невозможно овладѣть ею. Такъ что потомъ я даже совершенно пересталъ искать ея и не помышлялъ больше о томъ, чтобы уразумѣть безумныя дѣла, суетныя совѣты и тревожную жизнь нечестивыхъ. Но будучи такъ настроенъ, я этимъ отличался [отъ другихъ], и одержимый смертоносною

похотью, я позналъ, что женщина есть нѣкотораго рода сѣть, или что-либо иное въ этомъ родѣ. Ибо сердце ея уловляетъ проходящихъ мимо нея, а если она рукою только прикоснется къ рукѣ, удерживаетъ такъ, какъ будто она влечетъ, заключивши въ оковы. Только въ томъ случаѣ ты можешь освободиться отъ нея, если ты снискалъ милость Божію къ себѣ, и Онъ блюдетъ тебя, потому что, кто порабошень грѣху, тотъ не уйдетъ отъ нея. Искалъ я среди всѣхъ женщинъ скромности ихъ и не нашелъ ни въ одной. Мужчину благоправнаго изъ тысячи можно найти, женщины же—нѣтъ. Больше же всего я уразумѣлъ то, что люди сотворены Богомъ правыми по душѣ, но они сами увлеклись въ разнообразныя помышленія и въ безконечныя исканія, заявляютъ притязаніе на изысканіе мудрости и проводятъ время въ занятіи ничтожными рѣчами.

VIII.

Мудрость же, если она оказывается въ человѣкѣ, видна даже по лицу, такъ какъ она освѣщаетъ стяжавшаго ее; какъ и напротивъ, безстыдство избличаетъ того, въ комъ оно вселилось, какъ достойнаго ненависти, съ перваго же взгляда. Должно со всѣмъ усердіемъ внимать рѣчамъ царевымъ и всякимъ образомъ избѣгать клятвы, въ особенности клятвы именемъ Божіимъ. Впрочемъ, надлежитъ [вообще] противостоять худой рѣчи, но [особенно] остерегаться всякаго злословія на Владыку. Ибо въ самомъ дѣлѣ невозможно хулить Его, если Онъ даже наведетъ что-либо на тебя, ни противорѣчить опредѣленіямъ единаго Правителя и Царя. Лучше и полезнѣе, пребывая въ священныхъ заповѣдяхъ, оставаться вдаль отъ лукавыхъ рѣчей. Ибо мудрый мужъ знаетъ и предвидитъ, что судъ, который будетъ въ надлежащее время, будетъ праведный. Ибо всѣ дѣла человѣческія въ этой жизни ожидаютъ наказанія свыше. Только лукавый, кажется, не знаетъ совершенно, что, такъ какъ о немъ теперь много попеченія, то ничто рѣшительно не будетъ забыто въ послѣдствіи. Онъ не вѣдаетъ того, что потомъ будетъ, ибо никто не въ состояніи будетъ возвѣстить о томъ по надлежащему, потому что никто не будетъ такъ силенъ, чтобы могъ воспрепятствовать ангелу, который будетъ брать у него душу, и совершенно невозможно найти никакого способа, чтобы отмѣнить время смерти, но подобно тому, какъ захва-

ченнѣй въ самой срединѣ войны видѣть, что со всѣхъ сторонъ закрыта для него возможность бѣгства, такъ и всякое нечестіе человѣка погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. И я изумляюсь всякій разъ, когда посмотрю, какого рода и сколько люди старательно придумали на пагубу ближнимъ. Я знаю, что нечестивые раньше похищаются изъ этой жизни и устраняются за то, что сами предали себя суетѣ. Но такъ какъ промысленіе Божіе не слѣдуетъ немедленно за всѣми по причинѣ многого долготерпѣнія и не тотчасъ послѣ преступленія [злой] наказывається, то ради этого лукавый мужъ думаетъ, что можно и дальше согрѣшать, какъ будто онъ можетъ ускользнуть безнаказаннымъ; онъ не разумѣетъ, что и послѣ весьма долгаго промежутка времени поступившій несправедливо не укроется. Величайшее же благо—благоговѣйный страхъ предъ Богомъ, потерявши который нечестивый не много времени будетъ пользоваться своею глупостью. Часто же распространяется между людьми самое худшее и самое ложное мнѣніе какъ о праведныхъ, такъ и о неправедныхъ. Ибо о томъ и о другомъ думаютъ противоположное [дѣйствительности]: и тотъ, кто праведенъ, кажется не такимъ, а, напротивъ, нечестивый считается разумнымъ. Такое именно тяжкое заблужденіе я почитаю наибольшимъ изъ всѣхъ. Нѣкогда мнѣ казалось, что величайшее изъ благъ — пища и питье, и что тотъ наиболѣе угоденъ Богу, кто какъ можно больше наслаждается ими въ теченіе своей жизни, и такого рода веселіе я считалъ единственнымъ утѣшеніемъ жизни. И поэтому я ничѣмъ другимъ не занимался, какъ только этою мыслью, такъ что ни ночью, ни днемъ не отвлекался отъ всего того, что изобрѣтено для наслажденія людямъ. И я узналъ только то, что кто осквернился этимъ, тотъ, даже много потрудившись, никакъ не сможетъ обрѣсти подлиннаго блага.

IX.

Ибо я подумалъ тогда, что всѣхъ людей нужно считать достойными одного и того же; и если кто мудръ и усердно упражнялся въ дѣлахъ праведности, и отвратился отъ неправды и, будучи благоразумнымъ, избѣжалъ вражды ко всѣмъ, что угодно Богу, то мнѣ представлялось, что онъ напрасно трудится. Мнѣ казалось, что одинъ конецъ праведнаго и нечестиваго, добраго и злого, чистаго и нечистаго, и приносящаго

Богу умилоствительную жертву и совершенно не приносящаго. Ибо когда неправедный и добрый, когда клянущійся и совершенно отвращающійся отъ клятвы, какъ я полагаю, устремляются къ одному и тому же концу, то закрадывается какая-то недобрая мысль, что всѣ оканчиваютъ жизнь одинаковымъ образомъ. Но я теперь знаю, что это помышленія неразумныхъ, и заблужденіе и обманъ. Также часто говорятъ, что умершій совершенно погибаетъ, и что должно живого предпочитать мертвому, хотя бы онъ находился во тьмѣ, и что хотя бы даже онъ проводилъ жизнь, какъ собака, [его должно предпочесть] умершему льву. Ибо живые по крайней мѣрѣ знаютъ, что они умрутъ, мертвые же рѣшительно ничего не знаютъ. И не предлежитъ имъ никакого воздаянія, послѣ того какъ они исполнили опредѣленное судьбою. И вражда, и дружба по отношенію къ умершимъ окончились; ибо у нихъ и соревнованіе прекратилось, и жизнь исчезла. Успешій однажды изъ этой жизни ни въ чемъ не имѣетъ участія. Это—обольщеніе, продолжающее очаровывать, и оно подаетъ такого рода совѣтъ: эй ты, что ты дѣлаешь и не наслаждаешься разнообразной пищей и не переполняешься виномъ? Развѣ ты не понимаешь, что это дано Богомъ для безпрепятственнаго наслажденія? Почему бы тебѣ не надѣвать чистой одежды и, благовоннымъ масломъ помазавши голову, не смотрѣть на ту или другую женщину и суетно проводить суетную жизнь? Ибо кромѣ этого тебѣ не осталось ничего иного ни здѣсь, ни послѣ смерти. Но дѣлай, что придется. Ибо никто не потребуетъ у тебя и отчета въ этомъ, и о томъ, что дѣлаютъ люди, совершенно никто не знаетъ, кромѣ людей. Адъ же, каковъ бы онъ ни былъ, въ который, какъ говорятъ, мы отходимъ, непричастенъ мудрости и способности чувствовать. Такъ [говорятъ] суетные [люди].

Я же хорошо знаю, что ни тѣ, которые кажутся самыми быстрыми, не совершаютъ успѣшно того великаго теченія, ни тѣ, которые славятся у людей какъ сильные и страшные, не выйдутъ побѣдителями въ страшной брани. Но также и благоразуміе познается не во множествѣ пищи и разумѣніе не находится непременно въ союзѣ съ богатствомъ. Не сорадуюсь я и съ тѣми, которые думаютъ, что удѣлъ всѣхъ одинаковъ. Мнѣ кажется, спятъ глубокимъ сномъ тѣ, которые помышляютъ въ такомъ родѣ и не разсуждаютъ, что, будучи уловленными подобно рыбамъ и птицамъ, они будутъ исто-

щены въ несчастьяхъ, неожиданно получивши заслуженное наказаніе. Я же такъ почитаю мудрость за нѣчто великое, что даже малый городъ, населенный немногими, но осажденный рукою великаго царя, почитаю за многолюдный и великій, если онъ имѣеть въ качествѣ гражданина даже одного бѣдняка мудраго мужа. Ибо онъ былъ бы въ силахъ спасти свой городъ какъ отъ враговъ, такъ и отъ [возведенныхъ противъ него] укрѣпленій. И хотя другіе не замѣчаютъ того мудраго бѣдняка, но я всецѣло предпочитаю силу въ мудрости этой силѣ въ обычномъ значеніи. Но здѣсь на землѣ не почитается мудрость, соединенная съ бѣдностью; впрочемъ, потому она услышана будетъ, такъ какъ она силою голоса превосходить вельможъ и тиранновъ, устремляющихся ко злу. Ибо мудрость сильнѣе даже оружія; неразуміе же одного причиняетъ опасность многимъ, хотя бы онъ для многихъ былъ презрѣннымъ.

Х.

Ибо даже мухи, упавшія въ благовонное масло и задохнувшіяся въ немъ, дѣлають непристойнымъ и видъ и помазаніе того пріятнаго состава: [такъ] нисколько не слѣдуетъ вспоминать въ одно и то же время о мудрости и глупости. Мудрый самъ ведетъ себя къ дѣламъ правой стороны; безумный же склоняется въ лѣвую сторону, и не наступитъ такого времени, когда бы онъ могъ воспользоваться своей глупостью въ качествѣ руководительницы къ прекраснымъ дѣламъ. И помышленія его суетны, исполнены глупости. Если же на тебя, другъ, когда-либо нападетъ даже враждебный духъ, то ты мужественно противостоянь ему, зная, что Богъ можетъ покрыть своею милостію и великое множество прегрѣшеній. Что глупый поднимается на высоту, а богатый мудростью смиряется, что, какъ я видѣлъ, рабы грѣха ѣздятъ на конѣ, а святые мужи ходятъ пѣшкомъ безъ почета, тогда какъ лукавые гордятся,—это—дѣла тиранна и отца всякаго лукавства. Если же кто злоумышляетъ противъ другого, то онъ забываетъ, что причиняетъ козни себѣ же первому и только одному себѣ. Кто разрушаетъ ограду другого, тотъ подвергнется укушенію змія. Но если кто и камни изъемлетъ, тотъ претерпитъ не малый трудъ. Но и разсѣкающій дрова можетъ подвергнуться опасности отъ своего собственнаго оружія. Если случайно топоръ упадетъ съ рукоятки, то занимающійся этой работой

придетъ въ смущеніе, такъ какъ онъ не на пользу собираетъ и умножаетъ себѣ свою неправедную и скоро гибнущую силу. Укушеніе же змія бываетъ скрытнымъ, и никакого облегченія не принесутъ заклинатели, ибо они суетны. Но мужъ добрый дѣлаетъ добро и себѣ и ближнимъ. Напротивъ, глупый низвергается въ погибель изъ за своей болтовни. Разъ открывши уста, онъ глупо начинаетъ и скоро перестаетъ, постоянно обнаруживая свое неразуміе. Человѣку же невозможно что-либо знать и отъ человѣка получить свѣдѣнія о томъ, что было, или о томъ, что послѣдуетъ. Ибо кто ему откроетъ? Человѣкъ, который не умѣлъ совершить путь въ хорошій городъ, въ глазахъ и во всемъ лицѣ носятъ выраженіе переносимаго имъ бѣдствія. Но я предрекаю несчастія тому городу, царь котораго юный и князья прожорливы. Напротивъ, считаю блаженною ту добрую землю, которой царь—сынъ свободного, гдѣ благовременно наслаждаются благами удостоившіеся тамъ начальствовать. Но лѣнивый и праздный наносятъ ущербъ дому, сдѣлавшись празднопатающими, и для своего прожорства они пользуются всѣмъ, легко увлекаемые серебромъ, за малую плату они постыдно и малодушно рѣшаются дѣлать все, что угодно. Царю же и князьямъ и вельможамъ надлежитъ повиноваться и не навлекать на себя ихъ гнѣва и совершенно не произносить какого-либо оскорбительнаго слова по отношенію къ нимъ. Ибо должно опасаться, что сказанное даже наединѣ какъ нибудь сдѣлается явнымъ. Ибо единому и богатому и великому Царю быстрые и крылатые ангелы переносятъ все, совершая духовное и разумное служеніе.

XI.

Справедливо дѣлиться хлѣбомъ и всѣмъ необходимымъ, что служить людямъ для поддержанія жизни. Ибо если даже ты будешь считать, что въ настоящее время [то, что ты даешь] у кого-либо погибаетъ, какъ если бы ты пускалъ хлѣбъ на воду, однако, по прошествіи времени, окажется, что чело-вѣколюбіе [твое] не бесполезно для тебя. Давай щедро и раздѣляй свое имущество многимъ, ибо ты не знаешь, что припесетъ слѣдующій день. [Ибо] и облака не удерживаютъ своего обильнаго дождя, но проливаютъ влагу на землю, и дерево не всегда стоитъ, но если и люди пощадятъ его, то оно вѣтромъ будетъ опрокинуто. Многіе же хотятъ предузнавать и

то, что будетъ съ неба, и кто смотритъ на облака и ожидаетъ вѣтра, тотъ воздерживается отъ жатвы и вѣянiя хлѣба, полагаясь на то, что не имѣетъ значенiя, и не зная ничего изъ того, что будетъ отъ Бога, подобно тому, какъ [не знаетъ] даже, что родитъ беременная. Посѣявши же во время, собирай плоды, лишь только наступитъ для этого время, ибо неизвѣстно, какое изъ того, что произрастаетъ, будетъ лучшимъ. О, если бы все удавалось хорошо! Размышляющій, что прекрасно солнце, что прiятна эта жизнь и что хорошо быть долголѣтнимъ, безпрестанно веселясь, и что смерть—страшное дѣло и вѣчное зло и приводитъ къ ничтожеству, думаетъ, что должно наслаждаться всѣмъ настоящимъ и тѣмъ, что считается прiятнымъ. Онъ совѣтуетъ и юношамъ пользоваться своимъ возрастомъ, предавши свои души всякому удовольствію и удовлетворять всякія пожеланiя и дѣлать то, что имъ угодно, смотрѣть на то, что услаждаетъ, и отвращаться отъ того, что не таково. Такому я скажу слѣдующее: безумствуешь ты, если ты не ожидаешь, что за все это постигнетъ судъ отъ Бога. Худое дѣло развратъ и распутство, и гибельна нечистая необузданность нашихъ тѣлъ. Ибо юности сопутствуетъ безуміе; безуміе же ведетъ къ гибели.

ХІІ.

Должно же, еще будучи юнымъ, бояться Бога, прежде чѣмъ предашь самого себя злодѣянiямъ, прежде чѣмъ придетъ день Божій великій и страшный, когда солнце уже не будетъ свѣтити, ни луна, ни прочія звѣзды, когда въ то время общаго бѣдствiя и смятенiя поколеблются высшія силы, [т. е.] ангелы, охраняющіе міръ, такъ что прекратятъ свою дѣятельность мужи — вельможи и женщины перестанутъ работать и убѣгутъ въ сокровенныя части домовъ, заперши всѣ двери; женщина, изъ страха переставшая молотъ, подобно самой малой птичкѣ будетъ кричать самымъ тонкимъ голосомъ, и падутъ на землю всѣ нечистыя женщины и города и ихъ начальство, запятнанное убійствомъ, ожидая наказанiя свыше, такъ какъ настаетъ горчайшее и кровавое время, какъ бы во время цвѣтенiя миндаля, и будутъ тѣснить непрерывныя наказанiя, какъ бы когда налетаетъ множество саранчи, и будутъ выброшены прочь беззаконныя, подобно тому, какъ черный и презрѣнный каперсовый кустъ. Добрый мужъ съ радостью

пойдетъ въ вѣчный свой домъ; дурные же наполнять все свое рыданіемъ, и ни серебро, собранное въ сокровищницу, ни золото испытанное больше не принесутъ имъ пользы. Ибо великій ударъ постигнетъ все до кувшина, стоящаго у источника, и колеса колесницы, которое случайно оставлено въ колодцѣ, когда положенъ будетъ конецъ теченію временъ и мимоидеть уготовляемая водою жизнь вѣка [сего], приносящаго омовеніе. Для людей же, находящихся на землѣ, одно спасеніе, если души ихъ узнаютъ и возлетятъ къ Тому, Кѣмъ онѣ сотворены. Итакъ, я снова говорю то, что сказалъ въ началѣ: очень суетно настроены люди и суетность замышляемыхъ ими дѣлъ такова, что ее невозможно и превзойти. Я же, проповѣдуя мудро, предпринимаю слишкомъ большой трудъ, потому что имѣю намѣреніе учить этотъ народъ, котораго нельзя ни научить, ни излѣчить. Для того, чтобы быть въ состояніи уразумѣть рѣчи мудрости, нуженъ мужъ благородный. Я уже старикъ и прошелъ долгое время жизни, потрудился надъ тѣмъ, чтобы посредствомъ изслѣдованія тайнъ истины найти угодное Богу. Я знаю, что наставленіями мудрыхъ души возбуждаются и пронзаются не меньше, чѣмъ тѣла, когда ихъ поражаютъ волчьими остнами или приколачиваютъ гвоздемъ. Нѣкоторые, получивши тѣ мудрые уроки отъ единого добраго пастыря и учителя, преподадутъ ихъ какъ бы изъ единыхъ устъ согласно между собою, весьма обильно излагая довѣренное имъ. Но во многихъ рѣчахъ нѣтъ никакой пользы; и я не совѣтую тебѣ, о другъ, записывать бесполезное относительно обязанностей, въ которомъ нѣтъ ничего больше, кромѣ напраснаго труда.

Но мнѣ, наконецъ, остается еще заключеніе, которое будетъ въ такомъ родѣ: люди, вотъ я точно и сжато провозвѣщаю вамъ, что, съ одной стороны, должно бояться Бога, Который есть владыка всего и видитъ все, и соблюдать Его заповѣди, съ другой стороны, убѣдить себя въ томъ, что все потомъ подвергнется суду, и каждый по заслугамъ получить воздаяніе за свои дѣла какъ добрыя, такъ и дурныя.

Н. Сагарда.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки